

11.07.96

Мелена Овечкина

— Оксана, ты действительно не волновалась тогда, или это просто актерская выдержка?

— Конечно, немножко волновалась. Естественно, я не сомневалась, что приз будет вручен Ольге Яковлевой, и готовилась к тому, чтобы сохранить, как говорят, "хорошее лицо".

— И все же, оказаться соперницей Ольги Яковлевой и уступить ей — это для тебя поражение или в определенном смысле победа?

— У меня совсем не было ощущения пора-

Оксана МЫСИНА:

“Возлюби роли свои, как самого себя”

жения или какой-то потери, наоборот, приобретения, к тому же я познакомилась со многими очень интересными людьми, с которыми мы раньше встречались мельком. А победа Ольги Яковлевой и для меня радость: я просто обожала Анатолия Васильевича Эфроса, а она — его актриса.

— В буклете, посвященном той же “Золотой маске”, процитирована сказанная тобой фраза: “Возлюби роли свои как самого себя, они — тоже люди”. Что это означает? То, что ты всегда безоговорочно защищаешь своих героинь или все-таки видишь в них и недостатки?

— Я просто всегда стараюсь впустить их внутрь себя. А ведь мы сами очень редко относимся к себе критически, только на людях мы можем признать какие-то ошибки, а в едине с собой все равно оправдываем практически все наши поступки. Поэтому и к своим героиням мне трудно относиться критически, я оправдываю их так же, как оправдывала бы себя.

— Ну, а если сказать несколько огрубленно, что существуют и так называемые “отрицательные” роли, по крайней мере, такие, в которых объективно преобладают отрицательные черты, или ты с такими не сталкивалась?

— Если ты помнишь, мою роль в спектакле “Видео. Бокс. Пуля” многие критики рассматривали как отрицательную. Героиню — актрису, которая пьет, воспринимали как опустившуюся, потерявшую свое лицо. А для меня все было иначе, я ее любила, потому что понимала изнутри, отчего она пьет, почему ей так плохо. Причем, это понимание пришло только тогда, когда я стала работать над ролью. А вначале, когда нам впервые прочитали пьесу, я была ужасно возмущена и говорила, что это все неправда, что настоящая актриса не может пасть так низко.

— То есть изначально у тебя был тот же взгляд со стороны.

— Конечно, я говорила практически те же самые слова, которые услышала потом на обсуждениях, но тогда я уже относилась к своему персонажу совершенно иначе.

— Может быть, и оттого, что ты так любишь своих героинь, они обычно лидируют в спектаклях. Я даже не имею в виду явно бенефисные роли в “К.И. из “Преступления” или “Героической комедии”, но так было, например, и в “Письмах Асперна”.

— Когда ты мне сейчас так говоришь, я думаю: хорошо это или плохо, может быть я как-то “выпячиваюсь” в ущерб всему спектаклю?

— Да нет, в том-то и дело, что такого ощущения не возникает. Просто, очевидно, в силу индивидуальности, достаточно неординарной внешности и, я бы сказала, экстравагантной манеры игры ты волей-неволей часто оказываешься в центре внимания. И это лидерство, как мне кажется, не всегда зависит от тебя самой, возможно, что ты даже не всегда отдаешь себе в этом отчет.

— Возможно. Правда, у меня всегда, помимо своей роли, есть задача — “двигать” спектакль. Этому меня научила Светлана Врагова. Она требовала, чтобы мы не только сосредоточивались на своих персонажах, но думали о том, чтобы в спектакле все посто-

янно двигалось. Ведь театр — это передача живых импульсов, и если что-то застывает, то сразу ослабевает внимание зрителей, и они начинают зевать.

— То есть, ты привыкла брать на себя в спектакле функцию некоего мотора.

— В общем да, мне кажется, что это правильно, и у меня уже сидит где-то в позвоночнике, что спектакль надо двигать. А вот, скажем, в “Письмах Асперна” Борис Александрович Львов-Анохин как раз очень долго добивался от меня, чтобы я ничего не двигала, наоборот, я должна была только отражать партнера. Но, наверное, я так до конца и не смогла заглушить в себе этой страсти к активному движению, чем, вероятно, вредила и своей героине.

— Возможно, это свойство и твоего характера. Оксана, а в целом в твоём характере что-то изменилось с приходом в театр, ведь ты пришла в него, можно сказать, со школьной скамьи: сначала был

— Бой на уровне эмоций или были принципиальные разногласия?

— Принципиальные. Но, кстати, в этом была и положительная сторона: в конфликте у нас нередко высекался какой-то дополнительный огонь. Мы постоянно работали в борьбе, но это была плодотворная борьба.

— А вообще тебе часто приходится бороться в жизни, в театре?

— Я сейчас отделилась от непосредственной жизни в театре, у меня есть только мои роли, от всего остального голова освобождена.

— Ты сегодня работаешь в двух театрах — Новом драматическом и ТЮЗе и в обоих по контракту. Тебя это устраивает или все-таки хочется какой-то оседлости, постоянной работы в одном театре?

— Нет, оседлости мне не хочется. Я никогда не была настолько в работе, как сейчас. Меня ничто не отвлекает. Я не сижу в театре просто потому, что надо отсидеть какое-

нее всегда есть главная тема, — которую она варьирует и так, и эдак, но опять и опять к ней возвращается, ритмически ее прорабатывая. Вообще у нее очень ритмичные спектакли.

— Да, пожалуй, именно в спектаклях Театра на Спартаковской у тебя было больше всего возможностей проявить себя пластически и вокально. Я не хочу проводить каких-либо прямых аналогий, но, мне кажется, что в твоей индивидуальности есть одно, не так уж часто встречающееся у актрис качество — склонность к буффонаде или даже откровенной клоунаде, что в сочетании с музыкальностью дает тип, близкий, скажем, Лайзе Мин-

нелли. Тебе не хотелось принять участие в чем-нибудь таком бравурно-бродвейском, разумеется, сделанном по-настоящему профессионально, а не в тех безвкусных копиях, которые порой появляются на наших сценах?

— Очень хочется, я просто мечтаю об этом. Мои певческие возможности в последнее время совсем не используются. А ведь я, можно сказать, с этого начинала: Спесивцев меня использовал в основном как певицу, я пела у него в рок-операх и просто под гитару. Я очень люблю петь и танцевать. Мне, правда, обещают роль в “Разбойниках” Оффенбаха, и если все получится, то, конечно, я с удовольствием соглашусь.

— А пока у тебя роли все больше драматические.

— Да, но вот сейчас я репетирую Маргариту Наварскую в пьесе Скриба, и просто за голову хватаюсь: какая эта лицедейка! В одной роли такая масса приспособлений: с одним человеком она одна, с другим совсем другая, постоянная смена масок. По жанру — это комедия положений.

— Оксана, мы с тобой очень часто встречаемся в театрах. Я бы не сказала, что интерес к чужому творчеству присущ многим актерам. Конечно, здесь очевидно и влияние твоего мужа — Джона, который как театральный обозреватель смотрит спектакли, как говорится, по долгу службы. Но все-таки, зачем тебе это нужно, что тебя в первую очередь интересует в работах твоих коллег?

— Я просто люблю театр во всех его качествах и проявлениях. Я люблю быть на сцене и люблю быть в зале. В студенческие годы я, наверное, больше всего бегала на спектакли, лазала через заборы, через служебные помещения, пробивалась в театр всеми способами. Я всегда получаю огромное удовольствие от того, что смотрю, даже если спектакль плохой, все равно вижу что-то свое.

— Ты воспринимаешь увиденное как зритель или все-таки больше как актриса, что-то примеряя на себя?

— Если спектакль плохой, то начинаю примерять, а если хороший, то я не успеваю контролировать, как это сделано, как сыграно, полностью растворяюсь в происходящем на сцене.

— И что тебе особенно понравилось и запомнилось?

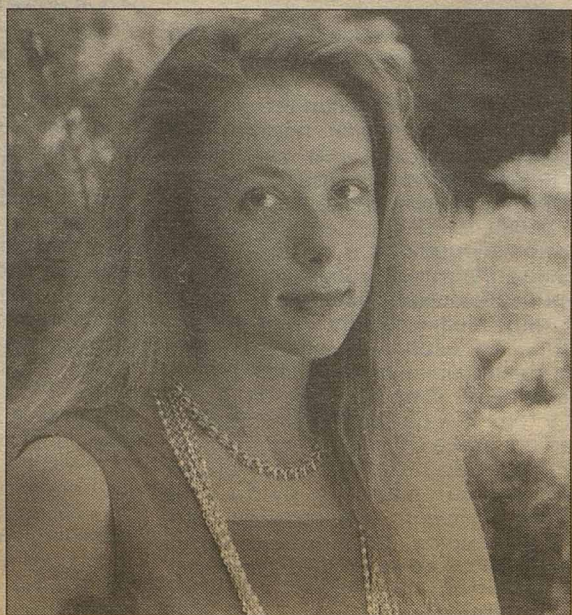
— До сих пор помню впечатление от Инны Чуриковой в “Sorry”, а из последних премьер — Юрий Яковлев в “Веселых парнях”, Георгий Жженов в спектакле “Он пришел”, Юлия Борисова, великолепная во всем, в том числе и в своем выступлении на “Золотой маске”.

— А что не понравилось, есть спектакли, в которых не хотелось бы участвовать?

— Наверное, есть, но ты знаешь, плохого я почему-то не помню. В целом я не люблю в театре фальшь, может быть, и как музыкант, когда я это вижу, мне становится стыдно смотреть на сцену, и я опускаю глаза. Конечно, это было в каких-то постановках, но ничего конкретного я сейчас вспомнить не могу, в памяти остаются только хорошие впечатления.

Беседу вела Марина ГАЕВСКАЯ.

В сезон 1995 — 96 года на премию “Золотая маска” в номинации “лучшая актриса” были выдвинуты две претендентки: Ольга Яковлева и Оксана Мысина. Когда мы разговаривали с Оксаной в фойе Малого театра, где проходила церемония вручения, буквально за несколько минут до оглашения результатов, она была, как всегда, улыбочива, доброжелательна и спокойна. По крайней мере, внешне никакого волнения заметно не было.

театр Спесивцева, параллельно с Гнесинским училищем, а уже потом Училище имени Щепкина, и снова театр — театр Враговой.

— Я очень долго вылезала из собственной шкуры, была скованной, инфантильной. Театр помог мне раскрепоститься. Когда я пришла в Щепкинское училище, уже поиграв у Спесивцева, и мне вдруг пришлось делать какие-то упражнения, изображать животных, которые у меня никогда не получались, это раздражало. В эту пору на “беспредметные действия” меня всегда ругали за отсутствие координации движений. А я рвалась на сцену, играть роли. Отдушиной были самостоятельные отрывки, где можно было разгуляться. Но и тут я умудрялась брать то, что мне было совершенно противопоказано, по крайней мере, по мнению педагогов. Потом были дипломные спектакли: я играла Лизу в “Продавце дождя”, Нэнси в “Оливии Твисте”, майора Греч в “Так и будет”, Евдокию Великомученицу в “Доме”, Дому Пантелеймонову в “Талантах и поклонниках”.

— То есть ты выпускалась из училища, главным образом, в амплуа характерной актрисы.

— А ты считаешь, что сейчас у меня другое амплуа?

— Я думаю, что сейчас оно расширилось. Та же Катерина Ивановна — это не только характерность, но и трагизм, особенно к финалу. Да и уже с приходом к Враговой тебе, наверно, пришлось резко перестраиваться на совсем иные роли, жанры и сами формы работы.

— Да. Во-первых, там постоянно была экстремальная ситуация, вопрос стоял так: или мы сыграем на всю катушку или нас закроют. В таких условиях в человеке раскрываются все его неиспользованные резервы. К тому же Врагова вела своеобразную психологическую атаку, стремясь любым способом раскрутить артиста.

— Вы проработали вместе восемь лет. Две, насколько можно понять, сильные натуры, наверно, это было достаточно непростое?

— Я тогда обливалась холодной водой и каждый день шла как на бой.

то время. Я свободна от разных побочных дел, не имею никаких отношений к профессии, и от выяснения отношений. Заканчивается репетиция, я со всеми прощаюсь, дружелюбно улыбаясь, я всех люблю. Иду домой, ложусь на часок поспать, если получится, и снова сажусь учить роль. Вот это действительно дает ощущение настоящей работы.

— Плюс ко всему, тебе, очевидно, свойственна и тяга к перемене мест. Что ты ищешь в первую очередь, перемещаясь из спектакля в спектакль: свою роль, своего режиссера, свой театр?

Наверное, все сразу. Так, например, в музыке есть масса разных жанров и направлений: классическая музыка, рок-н-ролл, джаз. А в театре как-то привыкли разговаривать со сцены приблизительно в одном жанре. Мне интересно понять свои возможности как музыканту: могу ли я играть в джазовой манере или в классической. Или как, например, художнику интересно поработать с разной палитрой, мне, как актрисе, хочется общения с разными режиссерами, что дает возможность погружения в ту или иную стилистику, свойственную каждому постановщику.

— Ты по первому образованию музыкант. Можешь ли ты определить стиль режиссеров, с которыми работала, говоря музыкальным языком? Например, мне кажется, что Львов-Анохин — это нечто утонченно-эстетское, изысканное из эпохи Ренессанса или галантного XVIII века, а в режиссуре Гинкаса есть что-то от джазовой импровизации...

— Да-да, Гинкас — это обязательно импровизация. Таков его стиль, мы с ним занимались именно импровизацией. Это действительно скорее всего — джаз. А Львов-Анохин — это Вивальди, Моцарт. Может быть, у нас — актеров — потом не все получается так, как он хочет, но он и репетирует, как Моцарт, как будто звучит музыка Моцарта, искристая, фонтанирующая, фантастическая. Какой же здесь нужен ансамбль, который сумеет все это передать, чтобы “дирижер” только взмахнул палочкой, и все воплотилось на сцене! А Врагова — это скорее канон. Я чувствую в ней некую форму вариаций. У

Главный редактор А.А.АВДЕЕНКО

Газета сверстана в компьютерном центре “ДИЗАЙН ЛАБОРАТОРИЯ”, тел. 280-68-36.

Отпечатано в типографии издательства “Пресса”, 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. “Правды”, 24. Индекс 50182. Тип. № 13201.

Адрес редакции: 101484, ГСП, Москва, ул. Новослободская, 73. Факс: (095) 285-06-12. Телефон секретариата: 285-79-28.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция справок не дает. “Экран и Сцена” выходит по четвергам.

Учредитель: журналистский коллектив. Цена свободная. Подписано в печать 10.07.96 г. в 14.00. Тираж 10 000 экз.